

Л. А. Скубачевская

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Имя, случай и судьба в «Святочных рассказах» Н. С. Лескова

Скубачевська Л. О. Ім'я, випадок та доля в «Святочних оповіданнях» М. С. Лескова. Аналіз поетики святочних оповідань М.С. Лескова, що представлений у статті, показує, що, відтворюючи колоритні картини живої повсякденності та життєвий калейдоскоп «справжніх подій», вони дуже щільно наповнені різноманітними випадковостями, збігами, плутаниною, несподіваними поворотами, розіграшами, обманами, підмінами, самозванцями, перевертнями тощо. Увага письменника до таких явищ, через які «таємниця буття вторгається до повсякденного життя», зближує його художній світ з «новою» прозою межі 19–20 століть.

Ключові слова: випадок, таємниця, ім'я, маска, сюжет, іронія, святочне оповідання.

Скубачевская Л. А. Имя, случай и судьба в «Святочных рассказах» Н. С. Лескова. Анализ поэтики святочных рассказов Н.С. Лескова, представленный в статье, обнаруживает, что, воспроизводя колоритные зарисовки живой повседневности и житейский калейдоскоп «истинных происшествий», они очень плотно наполнены разного рода случайностями, совпадениями, путаницей, неожиданными поворотами, розыгрышами, обманами, подменами, самозванцами, оборотнями и т.д. Внимание писателя к таким явлениям, через которые «таинство бытия вторгается в повседневную жизнь», сближает его художественный мир с «новой» прозой рубежа 19–20 веков.

Ключевые слова: случай, тайна, имя, маска, сюжет, ирония, святочный рассказ.

Skubachevskaya L. A. Name, case and fate in N. S. Leskov's "Christmas Stories". The article analyses the poetics of N.S. Leskov's "Christmas Stories". They reproduce the colourful sketching of real everyday life and worldly kaleidoscope of "veritable incidents" and at the same time they are very densely gap-filling by different cases, coincidences, mess, unexpected turns, drawing, deceptions, substitutions, impostors, werewolves et cetera. The writer is attentive to the phenomena through that the mystery of life intrudes in everyday life. Artistic world of Leskov is lot closely connected with "new" prose of the boundary of 19–20 centuries than it seemed until now.

Key words: case, secret, name, mask, plot, irony, Christmas story.

Поздний Н. С. Лесков долго воспринимался как писатель, вернувшийся к «социальности», преодолевший, наконец, свою отъединенность от передовых демократических кругов и создавший остролюбодневные и сатирические произведения [3]. Современные же исследователи все чаще отмечают большое значение в его произведениях духовно-таинственного начала в природе и поведении человека [4;8;1;3 и др.].

Одной из первых, кто обратил внимание на это, была Р. Н. Поддубная: «Внимание Лескова к «необъяснимым историям» во многом сродни интересу Тургенева к «странным историям», Достоевского – к «фантастическим внешним или внутренним положениям», Толстого – к парадоксальной противоречивости «текущего» человека, а Салтыкова-Щедрина – к скрытым в нем потенциальным «готовностям». Но в отличие от всех названных русских реалистов, у Лескова «необъяснимые явления» отражают внеположное познанию таинство духовной природы мира и человека. Если у Тургенева или Достоевского странные явления, порожденные процессами, протекающими в глубинах сознания и психики, выглядят таинственными и фантастическими в силу

того, что их «сознание еще не одолело», то у Лескова «темные явления» часто остаются таковыми в силу их непознаваемости» [7:432]. На этом основании Р.Н. Поддубная предположила, что Лесков, видимо, стоял в преддверии некоторых направлений *новой* литературы рубежа веков: «тех направлений в литературе рубежа веков, которые пытались привить психологическую символику романтической фантастики на почву новейших идеалистических концепций человека» [7:432]. Исследование поэтики «Святочных рассказов» (и, в частности, роли в них *случая и судьбы*) в контексте «новой» прозы «серебряного века» подтверждает это предположение.

Известно, что в «Жемчужном ожерелье» (1885), открывающем цикл, Лесков приводит характеристику жанра святочного рассказа, среди особенностей которого и то, что, он должен иметь «какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержение вредного предрассудка» [5:4], а в авторском предисловии к изданию Лесков говорит, что причины чудесного и таинственного «истекают из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых <...> заключается значительная доля странного и удивительного» (цит. по: [5:440]).

Исследователи же святочных рассказов Лескова заметили, что, благодаря анекдотичности, не свойственной традиционной модели этого жанра, а также пародийно-счастливому финалу и сложной («ложной», по выражению Д.С. Лихачева[6]) авторской оценки, тонкой иронии, писатель «опровергает», «развенчивает» само рождественское чудо. Однако анализ поэтики святочных рассказов Лескова обнаруживает, что, воспроизводя колоритные зарисовки живой повседневности и житейский калейдоскоп «истинных происшествий», они очень плотно наполнены разного рода *случайностями, совпадениями, путаницей, неожиданными поворотами, розыгрышами, обманами, подменами, самозванцами, оборотнями* и т.д. Представляется, что это говорит о внимании писателя к таким явлениям, через которые «таинство бытия вторгается в повседневную жизнь» [7:434].

Так, например, в рассказе «Штопальщик» (1882) повествуется как будто о том, почему и каким образом получилось, что русский портной, московский мастер-штопальщик Василий Коньч Лапутин живет под «большой железной вывеской, на которой по черному полю золотыми буквами крупно и четко выведено: «Мэтр тальер Лепутан» [5:110]. В центре интриги – событие, которое сам штопальщик считает рождественским чудом: ему, бедному погорельцу, «очутившемуся в большом злострадании» – без дома, инструментов и с долгами, богач подарил хороший дом и «еще тысячу рублей», с одним условием – называться Лепутаном и «вывеску эту никогда не сметь переменять» [5:118]. Со временем штопальщик узнает объяснение: богач, по фамилии Лапутин, стыдился быть однофамильцем простого портного. Причем выясняется, что эта попытка тщеславного богача обмануть судьбу не удалась, потому что вскоре он встречает еще одного Лапутина, который служит швейцаром у графа, внимания которого тот добивался, и граф не пожелал знаться с однофамильцем своего «мерзавца». В конце концов, умерев во Франции, злополучный гордец Лапутин все же оказывается однофамильцем штопальщика, потому что на его памятнике написано «Лепутан», как и на вывеске благодетельствованного им портного.

Поэтому в финале, как и положено в святочном рассказе, вроде бы торжествуют справедливость (вздорный богач разорился и умер, а портной живет благополучно) и мораль (не имя обеспечивает благополучие, а честный труд). Таким образом, «развенчивается» мистическое рождественское чудо, в которое верит сам штопальщик и над которым иронизирует автор: очевидно, что в основе благосостояния штопальщика лежит его трудолюбие и добрый нрав, а к сфере чудесного можно отнести разве что его портновское

искусство. Принято считать, что у Лескова основой установления справедливости является чудо народной сметки (А.А. Горелов [2] и др.).

В то же время, представляется, что для такой простой морали в «Штопальщике» слишком сложный сюжет, сосредоточивающий внимание читателей на быстро сменяющих друг друга слишком многочисленных для маленького рассказа случаях. Поэтому разоблачение в конце рассказа производит не такое сильное впечатление, как переданное ощущение власти случая, тайны бытия. Дело усложняется тем, что некоторые случаи как будто не случайны, а подстроены героями и потом разоблачаются: они чудесны для необразованного героя, но не для ироничного автора и проницательного читателя.

Так, Иван Коньч рассказывает, что еще в детстве обнаружилось его «особенное дарование» – штопать, и тогда «старика отцу говорили: «Это мальцу от Бога талант дан, а где талант, там и счастье будет» [5:112]. Но так *случилось*, что рано умерли его родители, а потом «на самое Рождество, когда я был в божьем храме у заутрени» сгорела его квартирка, «и там погорело все мое заведение, – и уют, и колодка, и чужие вещи, которые были взяты для штопки» [5:112]. От несчастного *случая* пожара, считает герой, «и начался первый шаг к моему счастью» [5:112]. Дальше *случилось* так, что один клиент, дорогие вещи которого сгорели у штопальщика, устраивает его на хорошую работу в богатую гостиницу, чтобы тот поскорее вернул ему долг. В этой гостинице штопальщик нашел себе жену, она была сиротой и говорила: «Я, – говорит, – *счастливая*, – тебе за меня Бог даст». «Может быть», – рассуждает штопальщик, – «на ее долю все бог и дал» [5:114].

Снова на Рождество еще *случай*: Иван Коньч заштопал богачу фрак, в котором тот на новогоднем балу сделал предложение «любимой невесте важного рода» и получил согласие. Ради такого *случая* богач решил отблагодарить штопальщика, но тут выяснилось, что они однофамильцы. Тогда богач переименовал Ивана Коньча в Лепутана и приказал: «Храни это имя: тебе это будет выгодно» [5:119].

Потом *случайно* штопальщик узнал историю богача Лапутина, полную несчастных *случайностей*, приведших к тому, что «его знатный однофамилец без всякой пользы сгнил под псевдонимом у Пер-Лашеза» [5:123]. Но и после его смерти штопальщик не захотел «переменить вывески и выставить опять свою законную, русскую фамилию», потому что не за чем «ворочить то, с чего новое счастье стало» [5:122] и «моя французская вывеска, хотя, положим, все знают, что одна лаферма, однако через нее наша местность другой эффект получила» [5:123].

Представляется, что такие *случайности* должны

противоречить идее *справедливости*, которая, вроде бы, торжествует в финале лесковского рассказа. На мой взгляд, этот рассказ не столько о справедливом вознаграждении трудолюбия и о чуде народной сметки, сколько о расподоблении сути и «вывески» вообще.

Подобным образом строятся и другие рассказы цикла. В «Жемчужном ожерелье» под «вывеской» «всем известного богатого сквалыжника» [5:6] помещен отец Машеньки, от которого все ожидают, что он, конечно, оставит младшую дочку, как и двух старших, уже выданных замуж, без приданого. Не объясняемым случаем в этом рассказе остается моментальная и счастливая встреча и любовь Маши и ее жениха. Дальше благодаря интриге с жемчужным ожерельем (которое, по примете, должно было бы принести новобрачной несчастье, но из-за того, что ожерелье оказывается фальшивым, оно и выводит всех на чистую воду, и приносит всеобщее благополучие) выясняется, что «известный сквалыжник», ростовщик и обманщик, – тоже может быть добрым и щедрым человеком.

Отец Машеньки здесь заставляет вспомнить Фому Опискина из «Села Степанчикова и его обитателей» (1859) Ф.М. Достоевского. Все герои думали о нем, что он злой и невежественный приживальщик, русский Тартюф, ханжа, пустослов, лицемер и эгоист. Однако Фома оказался шире всех этих определений и показал блестящее владение сознательно надетой на себя маской. В критической ситуации он оказался способным снять, переменить эту практически сросшуюся с его натурой маску, чтобы обмануть ожидания всех. Другими словами, чтобы показать, что человек не является конечной и определенной величиной, на которой можно было строить точные расчеты.

В святочных рассказах Лескова все оказываются не такими, какими представляются, и люди постоянно сталкиваются с «вывесками», подлогами, масками. Так, в «Обмане» (1883):

«оказалось, ведь, что мы его жены, действительно, никогда ни одного разу в глаза не видали! <...> А эта кукона, по которой мы все с ума сходили и за счастье считали ручки да ножки ее целовать, а один даже умер за нее, – была <...> просто арфистка из кофейни, которую за один червонец можно нанять танцевать в костюме Евы... Она была взята из профита к нашему приходу из кофейни, и он с нее доход имел... И сам этот Холуян-то, с которым мы играли, совсем был не Холуян, а тоже наемный шулер, а настоящий Холуян только и был Антошка на тонких ножках, который все с бесчеревной собакой на охоту ходил... Он и был всему этому делу антрепренер!» [5:107–108]. В «Пугале» (1885) колдун и оборотень оказывается самым добрым человеком; в «Путешествии с нигилистом» (1882) нигилист – прокурором судебной палаты, и Борис Эйхенбаум сказал, что «Путешествие с нигилистом» – это уже почти Чехов, только еще слишком эксцентричный и «чрезмерный» [9:339].

Вообще автор похож на дедушку Илью, чьи истории герой-рассказчик «Пугала» любит слушать, но в котором ему «не нравилось то, что у него один, именно левый, глаз всегда немножко смеялся» [5:197]. Ироничный автор святочных рассказов, скрываясь под маской благожелательного сказителя, не учит, скрыто высмеивая пороки, а проблематизирует ситуацию. Смех в как будто веселых финалах рассказов вызывается несоответствием того, что говорится, тому, что это значит, тому, о чем думает автор.

Таким образом, оказывается, что Лесков не только занят выведением «какой-нибудь морали», «опровержением вредного предрассудка», но и находит в повседневности знаки, каким-то образом репрезентирующими тайны бытия, а это переводит восприятие его рассказов из нравственно-психологической плоскости в сферу онтологии.

Литература

1. Авдеева Н.Г. Поэтика «малых» жанровых форм в творчестве Н.С. Лескова : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.01 – русская литература [Электронный ресурс] / Авдеева Н.Г. – Воронеж, 2004. – 36 с. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/poetika-malyh-zhanrovyyh-form-v-tvorchestve-n-s-leskova>
2. Горелов А.А. Н.С. Лесков и народная культура / А.А. Горелов. – Л. : Наука, 1988. – 294 с.
3. Дыханова Б.С. «Пейзаж и жанр» лесковских «Полунощников» : живопись с натуры или герменевтика образов? / Б.С. Дыханова // Рус. лит. – 2004. – № 3. – С. 16–28.
4. Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова / О.В. Евдокимова. – СПб. : Алетей, 2001. – 317 с.
5. Лесков Н.С. Собр. соч. : в 12 т. / сост. и общая ред. В.Ю. Троицкого. – М. : Правда, 1989. – Т. 7. – 464 с.
6. Лихачев Д.С. «Ложная» этическая оценка у Н.С. Лескова / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература / Д.С. Лихачев. – Л. : Сов. писатель, 1984. – С. 131–137.
7. Поддубная Р.Н. Становление концепции личности у Н.С. Лескова (разновидности и функции фантастического в романе «На ножках» / Р.Н. Поддубная // Поддубная Р.Н. Современность классики / Р.Н. Поддубная ; сост.

- И.И. Московкина, Т.А. Шеховцова. – Х. : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2015. – С. 419–447.
8. Старыгина Н.Н. Поэтика игры в романе «На ножах» Н.С. Лескова / Н.Н. Старыгина // Филологические науки. – 1996. – № 3. – С. 94–101.
  9. Эйхенбаум Б.М. «Чрезмерный» писатель [Электронный ресурс] / Б.М. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. – Л., 1986. – С. 237–253. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eichenbaum/eih/eih-327-.htm>